

НИКОЛАЙ КОЛЯДА, драматург из Екатеринбурга, замеченный и благословенный десять лет назад Галиной Борисовной Волчек, стал сегодня самым репертуарным, востребованным автором пьес в России. Первую же его пьесу поставили в России 90 театров. В свои сорок два он сочинил 70 пьес. 38 из них поставлены в России, странах СНГ, на Западе - в Германии, Англии, Финляндии, Австралии...

Режиссер, актер, вахтер

ОН ЧИТАЕТ лекции в Екатеринбурге, где у него мастерская и ученики, в Оксфорде, собирается в Кембридж. Он главный редактор журнала "Урал". А еще восстановил церковь святого Николая в своей деревне, где у него домик и огород, - теперь ее называют в округе "церковь Кольки Коляды".

В театре Коляда не работал, кажется, только занавесом. Был актером, вахтером, монтировщиком декораций, теперь вот ставит свои спектакли сам как режиссер. Хотя его мама считает, что с его умом он давно был бы директором совхоза. А он проклинает день, когда поступил в артисты ("Это не профессия, а диагноз, заболевание, актеры - это священные чудовища!"). И не может жить без театра, обожая артистов и прощая им все.

Про «чернуху»

КОГДА Коляду как-то увидел на светской столичной тусовке один известный режиссер, то удивился: он думал, что Коляда, судя по его пьесам, должен быть пьяным, плохо одетым, злобным, с немытыми волосами, а тот был исключительно представителем. Коляда не обиделся. Он искренне считает, что его пьесы, которые называют "чернухой", на самом деле очень светлые.

В последней его пьесе "Уйди-уйди", поставленной им в "Современнике" и бойко пошедшей уже и по другим театрам, героини живут в крошечной квартирке, где стены из радиоактивного железобетона, течет крыша, и подвал затоплен, и мыши с крысами. "А мимо гаражей ночью женщине пройти одной нельзя - изнасилуют сразу". Все в пьесе беспрестанно пьют самогон, и допиваются до одури, и матерятся, и дерутся, и ругаются примерно вот так: сельпо, я тебе клешни-то пообломаю! А в рот тебе не надо потные ноги, нет? Кореш, мутоту пореш! А через плечо не горячо? Козел! Сиди, не сявкой, хрумай на халаву, жук-навозник, говно, козявка, крысенок, деревня прыщавая! А после ругани они, как водится, каются и плачут...

Про жизнь и смерть

САМ же Коляда говорит интеллигентно, красиво. Учителем своим в драматургии считает Чехова.

- Но у Чехова всего 6 пьес...

- Я должен много писать, по шесть пьес в год, иначе просто нечего будет кушать. Ну и еще, наверно, у каждого свой ритм, у меня такой ритм, может быть, Богом мало отпущено. Я тороплюсь. Сочинение пьес, как ни странно, приносит деньги, могу сказать, сколько: шесть - восемь тысяч в месяц. Все думают, что я миллиардер. Если бы я жил на Западе и писал столько пьес, которые бы так много ставились, я бы точно был миллиардером.

- Что такое наша жизнь? Судя по вашим пьесам...

- Замечательная жизнь! Вы знаете, я сегодня ночью проснулся - писал дневник, я веду дневник, такое вот старомодное занятие... Писал о том, что я безумно боюсь смерти, все время думаю о смерти. У меня умерла сестра, маленькая, в восемь лет от менингита, и с тех пор остался этот страх. Никогда не хожу на похороны, ужасно боюсь всего, что связано со смертью. Самое отвратительное во всей этой чудной истории, которая называется жизнью (я об этом и писал сегодня в дневнике), - это то, что вот, скажем, я помру, а все вокруг будет продолжать жить. Несправедливость есть в этом какая-то, что человек живет-живет, а потом обязательно должен умереть. Я проснулся нынче утром, был такой красивый туман, тихо, спокойно. Жизнь вообще так прекрасна...

- Часто люди из провинции недолюбливают столицу...

- Есть такой момент, и я не люблю Москву, хоть и стал известен благодаря ей. Безумно устаю здесь. Я очень люблю свой город. У нас как-то все попроще, поспокойнее, душевнее, почище, особенно в театральном мире. Потому что в этой, столичной, среде подлость, зависть, ненависть существуют в таких гипертрофированных размерах, что страшно становится.

- Откуда вы берете свои сюжеты?

- Сюжеты я придумываю, это все вранье в

«АиФ-МОСКВА» № 48; 2000 г.

моих пьесах, выдумка, конечно. Как говорил Лев Толстой, сюжетов столько, только успевай собирать. Я когда-то жил в

Фото Михаила ГУТЕРМАНА

коммуналке, в хрущевке, на первом этаже, возле рынка, и вот так постоишь у окна за занавеской, послушаешь, чего люди говорят, идя на рынок или с рынка, так уже столько пьес можно написать. Все рядом. Никуда далеко идти не надо.

Про кошек и людей

- ВЫ СЧИТАЕТЕ себя интеллигентом?

- Да ну, что вы, я из деревни, крестьянский сын. Я не знаю, что такое интеллигентный человек. Наверно, надо тут что-нибудь красивое сказать, а я не знаю. Мама моя, вот она интеллигентка. Вот я вам одну историю расскажу. Приехали мы с другом, немцем, к моим родителям в село. Мама корову подоила, сидит, смотрит какой-то фильм про войну, где фашистов все время наши убивают, - а она кино про войну обожает. А тут, вижу, ей неудобно: немец все-таки рядом сидит, а на экране такое происходит, и ей это интересно, и перед ним совестно этот интерес показать. А он даже и не врубился, ничего не понял. Вот, наверно, это и есть интеллигентность - не поранить другого, не сделать больно. Живи и дай жить другим. Вот так, наверно.

- В ваших пьесах много говорится о счастье. Что же это такое, счастье?

- Не знаю, не знаю. У меня его нет. Одна моя героиня говорит: я всю жизнь ждала чего-то - от телефонного звонка, от автоответчика, от почтового ящика, мне казалось, что это принесет мне неведомую, прекрасную жизнь... Так, наверно, и я.

А писание пьес - это как наркотик: когда долго не пишешь, начинаешь даже просто плохо себя чувствовать. Когда я пишу, я читаю пьесу вслух, хохочу, плачу - такой кайф!

- Может ли искусство сделать человека лучше, научить чему-то?

- Нет. Нет, ничему не может научить и ничего изменить. Вот говорят, после спектакля человек вышел и стал другим. Это бред. И я себе никогда таких задач не ставлю. Раньше ставил, теперь нет. Так, разве что оставить какой-то след в душе, память, грусть...

- У вас дома восемь кошек. Есть такая поговорка у англичан: "Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю животных".

- Да, да, для меня это так. Я люблю кошек. И туман. Нет, почему, людей я тоже люблю. Не люблю, когда злые, когда жадные. Огорчаюсь, когда бедные, больные, несчастные. Но надо и жить, потихонечку терпеть... Мне кажется, что все надо терпеть, все равно у нас лучше, чем везде, и все будет хорошо, и мы увидим небо в алмазах. Не сомневаюсь.

Марина МУРЗИНА